КНИГА ЗА КНИГОЙ

А. Твардовский

РАССКАЗ ТАНКИСТА

Издательство
„Детская литература"

КНИГА ЗА КНИГОЙ

А. ТВАРДОВСКИЙ

РАССКАЗ ТАНКИСТА

СТИХИ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

Р2
Т26

Рисунки О. Верейского

Т $\frac{4803010102-440}{М101(03)86}$ 395—86

Дорогой читатель!

Наверное, это первая твоя встреча с большим советским поэтом Александром Трифоновичем Твардовским (1910—1971).

И уже в этой маленькой книжке, куда вместилась самая крохотная доля того, что он написал, ты ощутишь его любовь и к родной земле, и к деревенскому детству, и к людям, с которыми он встречался в жизни.

А если твой дед — старый солдат, спроси его, помнит ли он «Василия Тёркина». Он, наверное, расскажет тебе, как в годы Великой Отечественной войны фронтовики передавали друг другу и бережно хранили газеты, где печаталась эта «книга про бойца».

И так был похож придуманный поэтом смелый и находчивый умница Тёркин на самих своих читателей, «наших стриженых ребят», как называл их А. Твардовский, так вовремя поспевал к ним со своим то весёлым, забавным, то сердечным, ободряющим словом, что они навсегда полюбили и его самого, и его создателя.

Может быть, дед и теперь прочтёт тебе (вдруг даже наизусть) свои любимые стихи из этой книги.

А потом ты вырастешь и откроешь для себя не только «Василия Тёркина», но и поэмы «Дом у дороги», «За далью — даль» и другие произведения А. Твардовского.

А. Турков

* * *

Есть обрыв, где я, играя,
Обсыпал себя песком.
Есть лужайка у сарая —
Там я бегал босиком.

Есть речушка — там я плавал,
Как бывало, не дыша.
Там я рвал зелёный явор,
Плётки плёл из камыша.

Есть берёза вполобхвата,
Та берёза на дворе,
Где я вырезал когда-то
Буквы САША на коре...

Но во всей отчизне славной
Нет такого уголка,
Нет такой земли, чтоб равно
Мне была не дорога.

* * *

Я иду и радуюсь. Легко мне.
Дождь прошёл. Блестит зелёный луг.
Я тебя не знаю и не помню,
Мой товарищ, мой безвестный друг.

Где ты пал, в каком бою — не знаю,
Но погиб за славные дела,
Чтоб страна, земля твоя родная,
Краше и счастливее была.

Над полями дым стоит весенний,
Я иду, живущий, полный сил.
Веточку двурогую сирени
Подержал и где-то обронил...

Друг мой и товарищ, ты не сетуй,
Что лежишь, а мог бы жить и петь.
Разве я, наследник жизни этой,
Захочу иначе умереть!..

МАТЬ И СЫН

На родного сына
Молча смотрит мать.
Что бы ей такое
Сыну пожелать?

Пожелать бы счастья —
Да ведь счастлив он.
Пожелать здоровья —
Молод и силён.

Попросить, чтоб дольше
Погостил в дому,—

Человек военный,
Некогда ему.

Попросить, чтоб только
Мать не забывал,—
Но ведь он ей письма
С полюса писал.

Чтоб не простудиться,
Дать ему совет?
Да и так уж больно
Сын тепло одет.

Указать невесту —
Где уж! Сам найдёт.
Что бы ни сказала —
Ясно наперёд.

На родного сына
Молча смотрит мать.
Нечего как будто
Пожелать, сказать.

Верит — не напрасно
Сын летать учён.

Как ему беречься,—
Лучше знает он.

Дело, что полегче,
Не ему под стать.
Матери, да чтобы
Этого не знать!

Он летал далёко,
Дальше полетит.
Трудно — перетерпит.
Больно — промолчит.

А с врагом придётся
Встретиться в бою —
Не отдаст он даром
Голову свою.

Матери — да чтобы
Этого не знать...
На родного сына
Молча смотрит мать.

ВЫСШАЯ ЧЕСТЬ

С бомбёжки летит эскадрилья до дому,
Морозное небо винтами гребёт.
Вдруг видят товарищи: правый ведомый
От строя отстал самолёт.

Казалось бы, что же? Простой непорядок,
Но тут, под обстрелом, иной разговор:

В машине Мазаева финским снарядом
Вдруг выведен правый мотор.

На правую плоскость огонь выбегает.
Идти на посадку решает пилот.
И вслед за подбитой машиной другая —
На помощь Лобаев идёт.

Куда он, парнишка, почти что безусый?
Тут лётчик постарше и опытней был.
Фамилия лётчика этого Трусов,
А имя его — Михаил.

Минует минута, другая и третья,
И каждая так дорога!
Мазаев площадки ещё не приметил,
А пламя по плоскости выстелил ветер,
И всё на глазах у врага.

И только что сесть удалось самолёту,
Верхушки дерев задевая огнём,
С опушки строчат по нему пулемёты,
Бегут к озерку белофинские роты,
Троих оцепляют кругом.

Машина пылает. Стоят они трое:
Мазаев, да Климов, да Пономарёв,
А вся эскадрилья встревоженным строем
Кружится над ними: не кинем, укроем!
И с воздуха рубит врагов.

Штурмуя опушку, с лихою ухваткой
Над лесом машины дают виражи.
Противник уже наступает с оглядкой.
Но что это? Трусов идёт на посадку.
Возьми его! Вот он, держи!

И всё остальное проходит так быстро,
Быстрее, чем этот рассказ:
Один в бомболюки, а двое к радисту —
И все в самолёте. И — газ!

Тут дерзости мало одной удивляться,
Хоть это и редкий пример.
Тут самое трудное было подняться,
Но Трусов и это сумел.

Поднялся, пристроился правым ведомым,
И вновь эскадрилья вперёд понеслась
Так стройно, как будто над аэродромом,
Над полем советским, родным и знакомым,
Минуту назад поднялась.

Всё сделано чисто. Куда ещё чище?
Друзья спасены, а врагу
Осталось на озере только огнище
Да след самолёта на белом снегу.

У лётчиков наших такая порука,
Такое заветное правило есть:
Врага уничтожить — большая заслуга,
Но друга спасти — это высшая честь.

ТАНК

Взвоют гусеницы люто,
Надрезая снег с землёй,
Снег с землёй завьётся круто
Вслед за свежей колеёй.

И как будто первопуток
Открывая за собой,

В сталь одетый и обутый,
Танк идёт с исходной в бой.

Лесом, полем мимолётным,
Сам себе кладёт мосты,
Только следом неохотно
Выпрямляются кусты.

В гору, в гору, в гору рвётся,
На дыбы встаёт вдали,
Вот ещё, ещё качнётся,
Оторвётся от земли!

И уже за взгорьем где-то
Путь прокладывает свой,
Где в дыму взвилась ракета,
Где рубеж земли,
Край света —
Бой!..

* * *

— Давай-ка, товарищ, вставай, помогу,
Мороз подступает железный.
На голом снегу лежать на боку
Совсем тебе не полезно.

Держись-ка за шею, берись вот так,
Шагаем в полном порядке.
Замёрзли руки? Молчишь, чудак,
Примерь-ка мои перчатки.

Ну как, товарищ? Опять — плечо?
А вот и лесок. Постой-ка.

Теперь пройти нам столько ещё,
Полстолько да четвертьстолько.

Ты что? Оставить тебя в лесу?
Да ты, дорогой, в уме ли?
Не хочешь идти — на себе донесу.
А нет — дотащу на шинели.

СПИЧКА

Запас огня, залог тепла,
Она одна при мне была.

Одна в просторном коробке —
Как в горнице сухой.
Одна во всей глухой тайге.
Зажги — и нет другой.

Застыла коробом шинель,
Метёт за воротом метель.

Вторую ночь в лесу встречай —
Той ночи нет конца.
Ну, спичка, спичка, выручай,
Не подведи бойца...

И чует жёсткая ладонь,
Что уцелел под ней огонь.

И завились, как червячки,
Сучки — сушья́ пучок.
Трещат, как спелые стручки,
Стреляют в кожу щёк.

Дымком повитое тепло
Под рукава ползком зашло.
Разута правая нога.
Что ночь, что холод мне!

Вот как бывает дорога
И спичка на войне.

КОГДА ТЫ ЛЕТИШЬ

Когда ты летишь
Поутру на работу,
С земли своего
Узнают по полёту.

По крыльям знакомым,
По звуку мотора
Тебя узнают
На дороге шофёры.

Тебя провожают
Колхозницы в поле
Напутственным словом:
— Лети, наш соколик.

Лети, наш родимый,
На славу сражайся,
Живой, невредимый
Назад возвращайся...

И, спинкой мелькнув
Меж подсолнухов голой,
Бежит на задворки
Трёхлетний Микола.

По грядкам бежит,
Спотыкаясь, мальчонка.
Он машет тебе
Загорелой ручонкой.

Он долго и жадно
Следит за тобой.
Он тоже тебя
Посылает на бой.

А там, за рекой,
За крутым поворотом,
Тебя уже видит
Родная пехота.

И лица усталые
Сразу моложе,
И если б ты слышал,
Услышал бы тоже:

— Наш славный товарищ,
За взгорком враги.
До них подобраться
Ты нам помоги.

Хвати их фугасом
По каскам литым.
Мы лишнего часу
Им жить не дадим.

Спасибо, товарищ,
За помощь в бою,
Спасибо, родной,
За работу твою...

И вот, развернувшись,
Летишь ты обратно.
Машина работает
Ровно и внятно.

И вновь под тобою —
Прибрежные сёла,
И щурится, глядя
Под солнце, Микола.

Кричит с огорода:
— Ой, баба, ой, мама,
Бегите, глядите —
Тот самый, тот самый!..

РАССКАЗ ТАНКИСТА

Был трудный бой. Всё нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Лет десяти — двенадцати. Бедовый,
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках прифронтóвых
Встречают нас как дорогих гостей,

Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду вёдрами — не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы недозрелые суют...

Шёл бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперёд.
А он гвоздит — не выглянуть из башен,—
И чёрт его поймёт, откуда бьёт.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился,— столько всяких дыр,
И вдруг к машине подбежал парнишка:
— Товарищ командир, товарищ командир!

Я знаю, где их пушка. Я разведал...
Я подползал, они вон там, в саду...
— Да где же, где?..— А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.

Что ж, бой не ждёт.— Влезай сюда, дружище! —
И вот мы катим к мосту вчетвером.
Стоит парнишка — мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырём.

Подъехали.— Вот здесь.— И с разворота
Заходим в тыл, и полный газ даём.
И эту пушку, заодно с расчётом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозём.

Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шёл большой пожар.
И, помню, я сказал: — Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал...

Был трудный бой. Всё нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

СЫНУ ПОГИБШЕГО ВОИНА

Солдатский сын, что вырос без отца
И раньше срока возмужал заметно,
Ты памятью героя и отца
Не отлучён от радостей заветных.

Запрета он тебе не положил
Своим посмертным образом суровым
На то, чем сам живой с отрадой жил,
Что всех живых зовёт влекущим зовом...

Но если ты, случится как-нибудь,
По глупости, по молодости ранней
Решишь податься на постыдный путь,
Забыв о чести, долге и призванье:

Товарища в беде не поддержать,
Во чьё-то горе обратить забаву,
В труде схитрить. Солгать. Обидеть мать.
С недобрым другом поравняться славой,—

То прежде ты — завет тебе один,—
Ты только вспомни, мальчик, чей ты сын.

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН

Главы из поэмы

На привале

* * *

Тёркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силён,
Скажем откровенно:
Красотою наделён
Не был он отменной.

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

И не знаем почему,—
Спрашивать не стали,—
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернём,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.
Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Тёркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась ещё по мне.
Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружён,
Трижды — вот он! —вышел вон.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим,
Под огнём косым, трёхслойным,
Под навесным и прямым...

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблён...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьёт со смаком
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперёд гляди,
Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

О герое

— Нет, поскольку о награде
Речь опять зашла, друзья,
То уже не шутки ради
Кое-что добавлю я.

Как-то в госпитале было.
День лежу, лежу второй.
Кто-то смотрит мне в затылок,
Погляжу, а то — герой.

Сам собой, сказать,— мальчишка,
Недолеток-стригунок.
И мутит меня мыслишка:
Вот он мог, а я не мог...

Разговор идёт меж нами,
И спроси я с пėрвых слов:
— Вы откуда родом сами —
Не из наших ли краёв?

Смотрит он:
— А вы откуда? —

Отвечаю:
— Так и так,
Сам как раз смоленский буду,
Может, думаю, земляк?

Аж привстал герой:
— Ну что вы,
Что вы,— вскинул головой,—
Я как раз из-под Тамбова,—
И потрогал орден свой.

И умолкнул. И похоже,
Подчеркнуть хотел он мне,
Что таких, как он, не может
Быть в смоленской стороне.
Что уж так они вовеки
Различаются места,
Что у них ручьи и реки
И сама земля не та,
И полянки, и пригорки,
И козявки, и жуки...
И куда ты, Васька Тёркин,
Лезешь сдуру в земляки!

Так ли, нет — сказать,— не знаю,
Только мне от мысли той
Сторона моя родная
Показалась сиротой,
Сиротинкой, что не видно
На народе, на кругу...
Так мне стало вдруг обидно,—
Рассказать вам не могу.

Это да, что я не гордый
По характеру, а всё ж
Вот теперь, когда я орден
Нацеплю, скажу я: врёшь!

Мы в землячество не лезем,
Есть свои у нас края.
Ты — тамбовский? Будь любезен.
А смоленский — вот он я.

Не иной какой, не энский,
Безымянный корешок,
А действительно смоленский,
Как дразнили нас, рожок.

Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет —
Кто в рожки тебе сыграет
Так, как наш смоленский дед.

Заведёт, задует сивая
Лихая борода:
Ты куда, моя красивая,
Куда идёшь, куда...

И ведёт, поёт, заяривает —
Ладно, что без слов,
Со слезою выговаривает
Радость и любовь.

И за ту одну старинную
За музыку-рожок
В край родной дорогу длинную
Сто раз бы я прошёл.

Мне не надо, братцы, ордена,
Мне слава не нужна,
А нужна, больна мне родина,
Родная сторона!

В наступлении

* * *

Бой в разгаре. Дымкой синей
Серый снег заволокло.
И в цепи идёт Василий,
Под огнём идёт в село.

И до отчего порога,
До родимого села
Через то село дорога —
Не иначе — пролегла.

Что поделаешь — иному
И ещё кружнее путь.
И идёт иной до дому
То ли степью незнакомой,
То ль горами где-нибудь...

Низко смерть над шапкой свищет,
Хоть кого согнёт в дугу.

Цепь идёт, как будто ищет
Что-то в поле на снегу.

И бойцам, что помоложе,
Что впервые так идут,
В этот час всего дороже
Знать одно, что Тёркин тут.

Хорошо — хотя ознобцем
Пронимает под огнём —
Не последним самым хлопцем
Показать себя при нём.

Толку нет, что в миг тоскливый,
Как снаряд берёт разбег,
Тёркин так же ждёт разрыва,
Камнем кинувшись на снег;

Что над страхом меньше власти
У того в бою подчас,
Кто судьбу свою и счастье
Испытал уже не раз;

Что, быть может, эта сила
Уцелевшим из огня
Человека выносила
До сегодняшнего дня,—

До вот этой бороздёнки,
Где лежит, вобрав живот,
Он, обшитый кожей тонкой
Человек. Лежит и ждёт...

Где-то там, за полем бранным,
Думу думает свою
Тот, по чьим часам карманным
Все часы идут в бою.

И за всей вокруг пальбою,
За разрывами в дыму
Он следит, владыка боя,
И решает, что к чему.

Где-то там, в песчаной круче,
В блиндаже сухом, сыпучем,
Глядя в карту, генерал
Те часы свои достал;
Хлопнул крышкой, точно дверкой,
Поднял шапку, вытер пот...

И дождался, слышит Тёркин:
— Взвод! За Родину! Вперёд!..

И хотя слова он эти —
Клич у смерти на краю —
Сотни раз читал в газете
И не раз слыхал в бою,—

В душу вновь они вступали
С одинаковою той
Властью правды и печали,
Сладкой горечи святой;

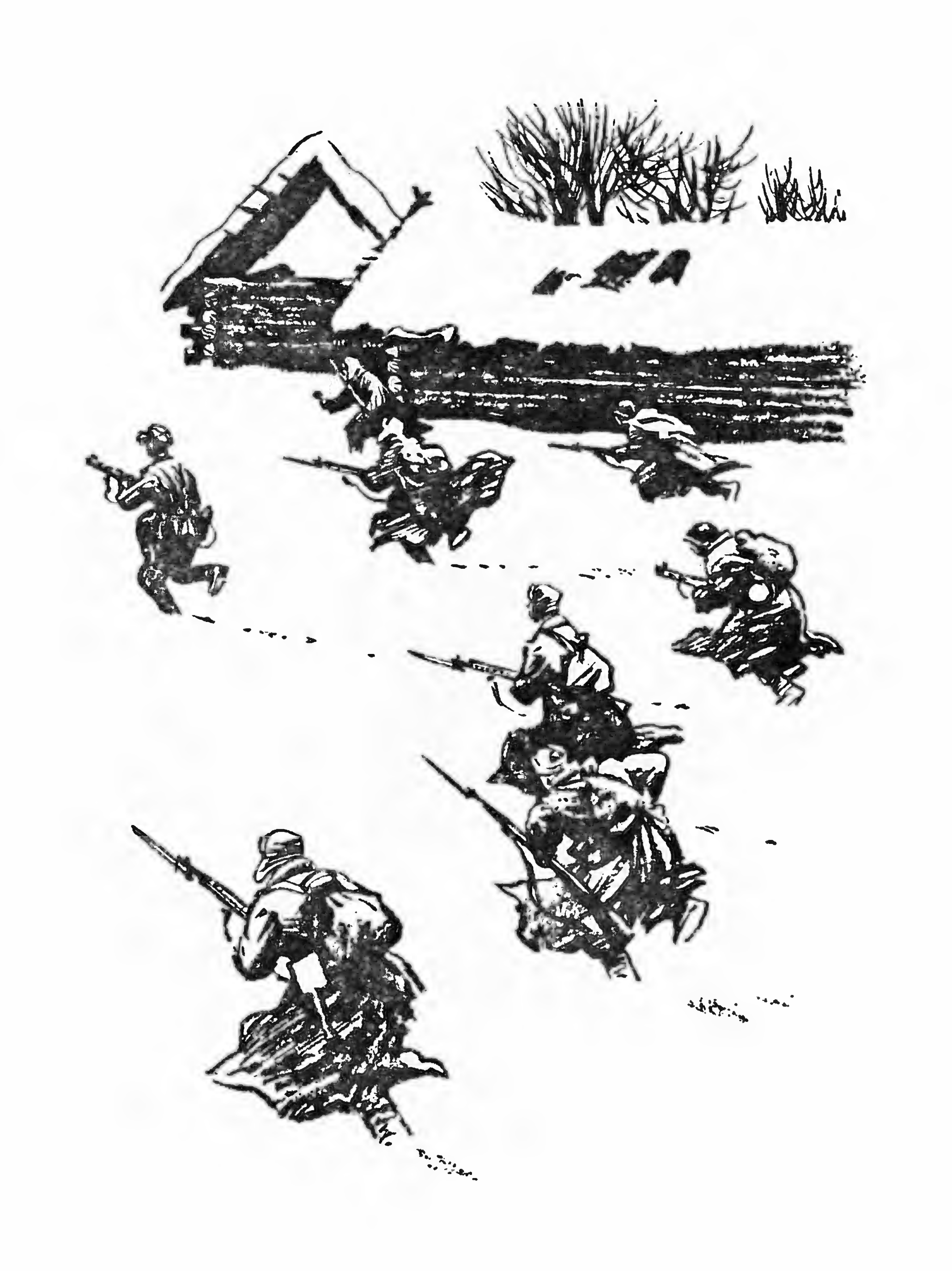
С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведёт,
Что за всё ответ священный
На себя уже берёт.

— Взвод! За Родину! Вперёд!..

Лейтенант щеголеватый,
Конник, спешенный в боях,
По-мальчишечьи усатый,
Весельчак, плясун, казак,
Первым встал, стреляя с ходу,
Побежал вперёд со взводом,
Обходя село с задов.

И пролёг уже далёко
След его в снегу глубоком —
Дальше всех в цепи следов.

Вот уже у крайней хаты
Поднял он ладонь к усам:
— Молодцы! Вперёд, ребята! —
Крикнул так молодцевато,
Словно был Чапаев сам.

Только вдруг вперёд подался,
Оступился на бегу,
Чёткий след его прервался
На снегу...

И нырнул он в снег, как в воду,
Как мальчонка с лодки в вир.
И пошло в цепи по взводу:
— Ранен! Ранен командир!..

Подбежали. И тогда-то,
С тем и будет не забыт,
Он привстал:
— Вперёд, ребята!
Я не ранен. Я — убит...

Край села, сады, задворки —
В двух шагах, в руках вот-вот...
И увидел, понял Тёркин,
Что вести его черёд.

— Взвод! За Родину! Вперёд!..—
И доверчиво по знаку,
За товарищем спеша,
С места бросились в атаку
Сорок душ — одна душа...

Если есть в бою удача,
То в исходе все подряд
С похвалой, весьма горячей,
Друг о друге говорят.

— Танки действовали славно.
— Шли сапёры молодцом.
— Артиллерия подавно

Не ударит в грязь лицом.
— А пехота!..
— Как по нотам,
Шла пехота. Ну да что там!
Авиация — и та...

Словом, просто — красота.

И бывает так, не скроем,
Что успех глаза слепит:
Столько сыщется героев,
Что — глядишь — один забыт.

Но для точности примерной,
Для порядка генерал,
Кто в село ворвался первым,
Знать на месте пожелал.

Доложили, как обычно:
Мол, такой-то взял село,
Но не смог явиться лично,
Так как ранен тяжело.

И тогда из всех фамилий,
Всех сегодняшних имён —
Тёркин — вырвалось — Василий!
Это был, конечно, он.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Александр Трифонович Твардовский

РАССКАЗ ТАНКИСТА

Стихи

Ответственный редактор
А. Ю. Березутская

Художественный редактор
Т. М. Токарева

Технический редактор
М. В. Гагарина

Корректор
Т. А. Нарышкина

ИБ № 9140

Сдано в набор 04.04.86. Подписано к печати 31.06.86. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бум. кн.-журн. № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,0. Усл. кр.-отт. 2,5. Уч.-изд. л. 1,12. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 3173. Цена 10 коп.
Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Твардовский А. Т.

Т26 Рассказ танкиста: Стихи/Рис. О. Верейского.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1986.— 30 с., ил.— (Книга за книгой).

10 к.

В книгу вошли стихи о Родине, о войне, а также главы из поэмы «Василий Тёркин».

Т $\frac{4803010102-440}{М101(03)86}$ 395—86

Р2

10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Детская литература»

В серии «Книга за книгой»
в 1986 году выходят следующие книги:

Воскресенская З. ОРКЕСТР.

Рассказы о событиях гражданской и Великой Отечественной войн.

Иванов С. «ЛЕТО Я ПРОВЕЛА ХОРОШО...»

Рассказ о жизни девочки среди рыбаков в поселке на Белом море.

Романовский С. ПЕВУЧАЯ ГОРА.

Рассказ о деревенских ребятах, наших современниках.